

Сочинения в стихах и прозе Дениса Давыдова. В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://belinskiyvissarion.ru/> Приятного чтения!

Сочинения в стихах и прозе Дениса Давыдова. В. Г. Белинский

Второе издание, исправленное и дополненное. Санкт-Петербург. 1840. Три части. Помните ли вы то время нашей литературы, когда она казалась такою живою, разнообразною, пестрою, богатою, – когда не было конца литературным новостям, не было конца изумлению и наслаждению читателя? Прекрасное то было время! Тогда явился исполин нашей поэзии, полный и могучий представитель русского духа в искусстве – Пушкин. Каждое его новое стихотворение, показывавшееся то в журнале, то в альманахе, расшевеливало все умы, настроенные ожиданием чудес его поэзии, было живою, чудною новостью, которая возбуждала любопытство и вызывала внимание даже старого поколения, сладко дремавшего за бостоном и вистом. Не говоря уже о множестве мелких произведений Пушкина, – этот ряд поэм: «Руслан и Людмила», «Братья разбойники», «Кавказский пленник», «Бахчисарайский фонтан», «Цыгане», «Полтава», наконец, драма «Борис Годунов», и вместе со всем этим глава за главою дивного поэтического романа «Евгения Онегина», создания чисто оригинального, исчерпавшего до дна всю жизнь современной Руси, – согласитесь, что тут было отчего закружиться даже и молодым, не только старым головам, которые еще не совсем успели переварить в себе и поэзию Жуковского: – столь странную и Дикую даже и она казалась им, еще с почтением вспоминавшим о Сумарокове, с мистическим благоговением о Хераскове, и не умевшим вообразить ничего выше Ломоносова, Державина и Озерова! Все теории перевернулись и перепрокинулись: классицизм единогласно был уволен в чистую, за выслугою и дряхлостью, а романтизм плохо понимали и самые его поборники. Шум, крик, споры... Славное было то время! Что нужды, если спорившие плохо разумели предмет спора: разумение является тогда, когда утихнет шум и крик, но оно все-таки есть результат этого шума и крика. Тогда шумели, кричали, спорили и даже бранились, – это правда, – но не из подписчиков, единственной и исключительной причины полемики многих теперешних журналов, а из мысли, из желания защитить свое убеждение или узнать истину. Конечно, и тут, как во всяком человеческом деле, вмешивались и корыстные расчеты, и самолюбие; но главным рычагом всей тогдашней литературной деятельности и главною причиною и шума, и криков, и даже браней, было живое стремление к истине... Но об этом грустном предмете мы скоро поговорим в особой статье; а теперь нам должно скорее дойти до предмета настоящей статьи – Давыдова.

Вслед за Пушкиным вышла на литературную арену целая дружина молодых талантов. Все они пошли по направлению, данному им Пушкиным, и самый последний из них, без всякого спора, гораздо выше, например, гг. Тимофеева и Кукольника, громко провозглашенных в одном журнале великими гениями русской литературы от 1834 года до сей минуты включительно, или г. Бернета, который благодаря тому же журналу смело стал подле двух первых{1}. Кроме того, что каждый из талантов, появившихся вслед за Пушкиным, имел больше или меньше неотъемлемое достоинство, положительную силу, – не забудем, что каждый из них тем сильнее действовал на публику, что был для нее совершенно новым; уже одна новость, небывалость и, в отношении к предшествовавшему периоду литературы, совершенная оригинальность могла быть принята и за талант, и за гений. В это время начало ходить по рукам в рукописи творение Грибоедова «Горе от ума»; в это время чувствительные души плакали над рукописным «Чернецом» Козлова и беспрестанно появлялись лирические произведения Козлова, Баратынского, Веневитинова, Полежаева, Вронченко, Подолинского, Языкова, Хомякова, Дельвига, Глинки (Ф. Н.), Тепловой, Теплякова, Ознобишина, Туманского, Шевырева (особенно как талантливый переводчик Шиллера), Шишкова 2-го (переводчик «Немецкого театра»), Писарева (водевилиста) и пр. [1] При этом довольно значительном числе дарований, действовавших в одно время и под влиянием одного общего светила – Пушкина, действовал и великий талант старого периода литературы – Жуковский, и действовал, казалось, с новою силою. Даже изредка являлись басни Крылова. Всегда игривая, остроумная, а нередко и трогаящая грустным чувством муза князя Вяземского, казалась, получила новую жизнь. Мерзляков напомнил о себе и в это время своими русскими песнями, Гнедич – отрывками из «Илиады», которая наконец и вполне была издана в 1830 году...

Мы говорили о стихотворцах; теперь перейдем к прозаикам. Их число, конечно, было не так велико, как число прозаиков с 1834 года; но мы здесь говорим собственно не о стихотворцах или прозаиках, а о целой литературе в данный период. Притом же, количество не всегда то же, что качество, и посему и в отношении к прозаикам

Сочинения в стихах и прозе Дениса Давыдова. В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru мы еще помедлим отдать перевес последнему времени литературы, начавшемуся с 1834 года. Вместе с Пушкиным вышел на поприще литературы Марлинский. Время произнесло свой суд над этим писателем: лет пять назад он был ростом чуть не с Шекспира, или с Эльборус, а теперь поступил на вакантное удивление и восторг той части публики, которая, отдав романам г. Булгарина полную дань удивления и восторга, уже скучает ими и требует чего-нибудь получше. Как бы то ни было, но Марлинский все-таки очень примечательное лицо в истории нашей литературы. Его назначение было – действовать против заплесневелой старости. Он очень остроумно и энергически преследовал мелкою журнальною дробью так называвшихся тогда «классиков», а в повестях своих из всех сил добивался оригинальности в вымысле и выражении, новых блестящих оборотов в слоге и в новых словах. Его сочинения принесли великую пользу тем, что уничтожили в глазах публики всякую цену прежнего направления в романе и повести, сделав их смешными и пошлыми, и возбудили в публике требование чего-то лучшего, высшего и истиннейшего. Сначала публика думала, что нашла в повестях Марлинского осуществившийся идеал современного романа и повести; но, поприглядевшись к ним, она признала их почтенною, хотя и неудавшеюся попыткою, и с рук на руки передала той части публики, которая, прочитав «Ивана Выжигина», уже остроумно и колко подшучивала над «Милордом английским»{2}. Но дальнейшие подробности этого дела не относятся к предмету нашей статьи: нам нужно заметить только, что если повести Марлинского, теперь, будучи изданы вторично, имели такой блестящий успех, то какой же восторг производили они своею новостью и оригинальностью, какое движение и какую жизнь давали нашей литературе и нашей публике! И не забудьте, что они были современны поэмам Пушкина, «Горе от ума» Грибоедова и всем выше исчисленным нами поэтам. Кроме Марлинского, попытками на русскую повесть в то время замечательны гг. Погодин и Полевой; их повести не только не лишены значительных беллетрических достоинств, особенно важных для того времени, в которое они являлись, но они возбуждали сильный интерес в тогдашней публике. Г-н Полевой, сверх того, приобретший большую известность в качестве журналиста, сделал еще попытку и на исторический роман, и в его «Клятве при гробе господнем» есть места, отличающиеся занимательностью и ознаменованные некоторою степенью дарования. В это же время вышел на литературную арену еще новый атлет, с свежими силами, с элементом новой жизни, совершенно новою мыслию в новой оригинальной форме: мы говорим о князе Одоевском, который создал себе особый род и не нашел себе в нем ни последователей, ни соперников. Трудно определить характер его так называемых повестей, которые скорее можно назвать поэтическими думами о жизни и фантастическими видениями. В них преобладает глубоко гуманическое начало; их герой – внутренний человек, и всего чаще – художник в борьбе с враждебною действительностью. В некоторых из них преобладает благородный юмор, возбуждаемый созерцанием противоречий жизни и искаженной человеческой природы, – и во всех господствует дидактически-поэтическое стремление – пробуждать заснувшие в грязи внешней жизни души для высшего идеального существования. Первым его литературным опытом была повесть «Элладий», потом несколько аллегорий, напечатанных в «Мнемозине», но это были только пробы пера, – и те, которым известны «Последний квартет Бетховена», «Себастиан Бах», «Насмешки мертвого» и другие пьесы князя Одоевского, согласятся с нами, что такой писатель имеет не временное значение и важность. Какой же интерес должны были возбуждать в публике эти произведения при своем появлении, какую жизнь должны были давать они литературе того прекрасного времени! [2]

Так как мы, говоря о периоде русской литературы от 1819 до 1834 года, имеем в виду преимущественно ту жизнь, которой она в это время была одушевлена и которую возбуждала такой сильный интерес в публике, – то и должны упомянуть даже о явлениях, которые, будучи сами по себе совершенно ничтожны, своею новостью способствовали еще к большему оживлению литературы и возбуждению живого интереса в публике. К таким явлениям принадлежат романы г. Булгарина, бесспорно имеющие свое «литературно-историческое» значение, хотя и чуждые всякого поэтического и даже просто беллетрического достоинства по решительному отсутствию внутренней жизни. Нужно ли говорить о том, можно сказать, волнении, которое произвел в нашей литературе «Юрий Милославский» г. Загоскина, эта теплая, добродушная попытка в романическом роде, убившая наповал сочинителя «Самозванца»?{3} Равным образом, нужно ли говорить о «Рославлеве», этом добродушном повторении «Юрия Милославского», омеге славы его автора, которой альфою был «Юрий Милославский»?.. В это же время выступил на литературное поприще и единственный даровитый романист наш, г. Лажечников, с своим высокопоэтическим «Новиком». Тогда же публика радушно приветствовала и «Киргиз-кайсака» г-на Ушакова и «Странника» с «Кощеем Бессмертным» г-на Вельтмана. Сам Гоголь явился с своими дивно художественными «Вечерами на хуторе» в этот же живой и цветущий период

Сочинения в стихах и прозе Дениса Давыдова. В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru нашей литературы, который мы начинаем с 1820 года, а оканчиваем 1833 годом и который мы почитаем приличным и справедливым назвать периодом пушкинским [3].

Вот к этому-то периоду нашей литературы принадлежит и даровитый наш партизан-поэт Денис Васильевич Давыдов. Правда, ему было уже пятнадцать лет от роду, когда еще Пушкин только что родился, и он написал одно из первых своих стихотворений, свое знаменитое послание к Бурцеву, в 1804 году, когда Пушкину было еще только пять лет от роду; но тем не менее как поэт и литератор Давыдов принадлежит к пушкинскому периоду нашей литературы, о котором мы не без причины так распространились. Дело в том, что Пушкин, имея решительное влияние на поэтов, вместе с ним или после него явившихся, имел также сильное влияние и на некоторых поэтов предшествовавшего, то есть карамзинского периода литературы, уже приобретших определенную известность. К таким относим мы князя Вяземского, Ф. Глинку и в особенности Дениса Давыдова; сличите стихотворения этих поэтов, написанные ими до появления Пушкина, с их же стихотворениями, написанными ими по появлении Пушкина, – и вы увидите, какая бесконечная разница не только в языке или фактуре стиха, но и в колорите, оборотах фраз и мыслей! Таково влияние гения на современную ему литературу: его деятельность есть водоворот, все увлекающий в своем непреодолимом стремлении!

Давыдов принадлежит к примечательнейшим людям блестящего царствования Александра Благословенного, царствования столь богатого и славного талантами на всех поприщах, блестящего знаменитостями и славами всех родов. Давыдов примечателен и как поэт, и как военный писатель, и как вообще литератор, и как воин – не только по примерной храбрости и какому-то рыцарскому одушевлению, но и по таланту военачальничества, – и, наконец, он примечателен как человек, как характер. Он во всем этом знаменит, ибо во всем этом возвышается над уровнем посредственности и обыкновенности. Говоря о Давыдове, мы преимущественно имеем в виду поэта; но чтоб понять Давыдова как поэта, надо сперва понять его как Давыдова, то есть как оригинальную личность, как чудный характер, словом, как всего человека: и потому сперва бросим взгляд на его биографию.

К первому изданию его стихотворений, сделанному в 1832 году московским книгопродавцем Салаевым, приложен легкий очерк его жизни, под названием «Некоторые черты из жизни Дениса Васильевича Давыдова». В кратком предисловии издатель известил публику, что этот очерк написан одним из сослуживцев Давыдова; но мы очень хорошо помним, что тогда никто этому не поверил, и все журналы назвали этот очерк автобиографией, хотя сам Давыдов или некоторые из близких к нему литераторов и протестовали против этого, как против ошибки. При теперешнем издании сочинений Давыдова опять приложен с некоторыми изменениями этот же самый очерк под названием «Очерка жизни Дениса Васильевича Давыдова», – и новый издатель в кратком предисловии извещает публику, что автор этого «Очерка», сослуживец Давыдова, покойный генерал-лейтенант О. Д. О-й, и что многие ошибочно приняли этот очерк за автобиографию, а в доказательство приводит слова самого Давыдова, который в письме к нему формально отрекается от сочинения «Очерка» и утвердительно приписывает его сослуживцу и другу своему, генералу О. Д. О-му. Как бы то ни было, но, несмотря на личное свидетельство самого Давыдова, дело остается «в сильном подозрении»: до такой степени носит на себе этот «Очерк» родовые приметы пера Давыдова и отличается таким добродушием, такою откровенностью, искренностью, такою удаю размашистостью и оригинальностью! Пробежим же эту автобиографию, или, если угодно, этот очерк жизни Давыдова, местами говоря его собственными словами, а местами, скрепя сердце, заменяя поэтическое изложение оригинала нашим прозаическим пересказом.

Давыдов родился в Москве 16 июля 1784 года. С малолетства, подобно большей части детей, обнаруживал он страсть к ружью и маршированию, страсть, которая получила высшее направление от случайного внимания к нему Суворова. Суворов при осмотре Полтавского полка, находившегося под командою отца Дениса Давыдова, заметил резвого ребенка и, благословив его, сказал:

«Ты выиграешь три сражения!» Маленький повеса (слова «Очерка») бросил псалтырь, замахал саблею, выколочил глаз дядьке, проткнул шлык няне и отрубил хвост борзой собаке, думая тем исполнить пророчество великого человека.

В самом деле, это событие так глубоко врезалось в душу Давыдова, что в лета мужества он передал его со всеми подробностями в прекрасной статье. Мы должны же говорить о Давыдове как о прозаике, так вот, к стати, и образчик его прозы, а к жизни его мы еще обратимся:

За полчаса до полуночи меня с братом разбудили, чтобы видеть Суворова или, по крайней мере, слышать слова его, потому что ученье начиналось за час до рассвета; а в самую полночь, как нас уверяли, он выбежит нагой из своей палатки, ударит в ладоши и прокричит петухом: по этому сигналу трубачи затрубят «Генерал-марш» и войско станет седлать лошадей, ожидая «сбора», чтоб садиться на них и строиться для выступления из лагеря. Но, невзирая на все наше внимание, мы не слышали ни хлопанья в ладоши, ни крика петухом. Говорили потом, что он не только в ту ночь, но никогда, ни прежде, ни после, этого не делывал и что все это была одна из выдумок и преувеличенных странностей, которые ему приписывали.

До рассвета войска выступили из лагеря, и мы, спустя час по их выступлении, поехали вслед за ними в поле. Но угонишься ли за конницу, ведомую Суворовым? Бурные разливы ее всеминутно уходили у нас из виду, оставляя за собою один гул, более удалявшийся. Иногда между эскадронами в облаках пыли показывается кто-то скачущий в белой рубашке – и в любопытном народе, высыпавшем в поле для одного с нами предмета, вырывались крики: «Вот он! вот он! Это он, наш батюшка, граф Александр Васильевич!» Вот все, что мы видели и слышали...

.....

Около десяти часов утра все зашумело вокруг нашей палатки, закричало: «скачет! скачет!» Мы выбежали и увидели Суворова во ста сажнях от нас, скачущего во всю прыть в направлении мимо нашей палатки.

Я помню, что сердце мое тогда упало, как после оно упало при встрече с любимой женщиной. Я весь был взор и внимание, весь был любопытство и восторг, и как теперь вижу – толпу, составленную из четырех полковников, из корпусного штаба, адъютантов и ординарцев, и впереди толпы Суворова на саврасом калмыцком коне, принадлежавшем моему отцу, в белой рубашке, в довольно узком полотняном нижнем платье, в сапогах вроде тоненьких ботфорт и легкой, маленькой солдатской каске, формы того времени, несколько сходной с формой нынешних касок гвардейских конных grenадеров. На нем не было ни ленты, ни крестов: это мне очень памятно, как и черты сухощавого лица его, покрытого морщинами, достойными наблюдения Лафатера, как и поднятые брови и несколько опущенные веки. Все это, несмотря на детские лета, напечатлелось в моей памяти не менее его одежды. Вот почему мне не нравится ни один из его бюстов, ни один из его портретов, кроме портрета, писанного в Вене, во время проезда его в Италию, и которого вернейшая копия находится у меня, да бюста Ришара, изваянного по слепку с лица после его смерти. Портрет, искусно выгравированный Уткиным, не похож: он без оригинального выражения его физиономии, сонен и безжизнен.

Когда он несся мимо нас, любимый адъютант его Тищенко, человек совсем необразованный, но которого он пред всеми выставлял за своего наставника и как будто слушался его наставлений, – Тищенко закричал ему: «Граф! что вы так скачете? Посмотрите, вот дети Василья Денисовича!» – «Где они? – где они?» – спросил он и, увидя нас, поворотил в нашу сторону, подскочил к нам и остановился. Мы подошли к нему ближе. Поздоровавшись с нами, «он спросил у отца моего наши имена, подозвал нас к себе еще ближе, благословил нас весьма важно, протянул каждому из нас свою руку, которую мы поцеловали, и спросил меня: «Любишь ли ты солдат, друг мой?» Смелый и пылкий ребенок, я со всем порывом детского восторга мгновенно отвечал ему: «Я люблю графа Суворова; в нем все – и солдаты, и победа, и слава!» – «О, помилуй бог, какой удалой! – сказал он, – это будет военный человек; я не умру, а он уже три сражения выиграет! А этот (указав на моего брата) пойдет по гражданской службе!» С этим словом он вдруг поворотил лошадь, ударил ее нагайкою и поскакал к своей палатке.

Суворов в этом случае не был пророком: брат мой весь свой век служил в военной службе, и служил с честью, что доказывает восемь полученных ран, все, кроме двух, от холодного оружия, – ран, издавна не получаемых; а я не командовал ни армиями, ни даже отдельными корпусами; следовательно, не выигрывал и не мог выиграть сражений.

При всем том, слова великого человека имели что-то магическое; когда спустя несколько лет, подошло для обоих нас время службы, отцу моему предложили записать нас в Иностранную коллегию; но я, полный слов героя, не хотел другого поприща, кроме военного; брат мой, озадаченный, может быть, его предсказанием, покорился своей службе, и прежде чем поступил в военное звание, около году

На этом месте должна бы кончиться наша выписка из статьи Давыдова; но, – очарованные его рассказом, столь живописным, что все как будто видишь сию же минуту перед глазами своими, и давно прошедшее становится настоящим, – мы выпишем еще о посещении Суворовым отца Давыдова. А чтоб выписка не была чересчур длинна, мы своими словами перескажем некоторые подробности о приготовлениях к приему великого человека. По благосклонности к отцу Давыдова, Суворов сам назвался к нему на обед. Дело было в какой-то пост, – и потому на большом круглом столе в гостиной стояли разные постные закуски, с рюмкою «благородного размера» и графином водки. В столовой накрыт был стол на 23 прибора, без всяких украшений посреди – без ваз с фруктами и вареньем и без плато, как тогда водилось: Суворов ненавидел роскоши. Не было даже суповых чаш на столе – кушанья должны были подаваться прямо с огня: так обыкновенно делывалось у Суворова. В одной из отдельных комнат за столовой были приготовлены: ванна, несколько ушатов с холодной водой, несколько чистых простынь, переменное белье его и одежда, привезенные из лагеря. Из приглашенных к обеду, между прочими гостями, была одна пожилая госпожа, знакомая хозяйке дома и приехавшая из Москвы: она с первого взгляда не понравилась Суворову и была предметом его насмешек и шуток во все время его пребывания у Давыдова. Теперь обратимся к рассказу самого автора.

Маневры того дня кончились в 7 часов утра, то есть в 7 часов утра войска были уже на марше к лагерю. Отец мой, оставив свой полк на походе, поскакал в лагерь, во всю прыть своего черкесского коня, на котором был на маневрах, чтобы, переменя его, скорее приехать к нам и, до прибытия Суворова, исправить то, что требовало исправления для его принятия. Уже он был на половине пути от лагеря к Грушевке, как вдруг с одного возвышения увидел; около двух верст впереди себя, но несколько в боку, всадника с другим всадником, отставшим довольно далеко: оба они скакали во все поводья по направлению к Грушевке. Это был Суворов с одним из своих ординарцев, скачущий туда прямо с маневров. Отец мой усилил прыть своей лошади, но не успел приехать к нашему дому прежде шестидесятирехлетнего старца-юноши. Он нашел его уже всего опыленного на крыльце, трепавшего саврасого коня своего и выхвалявшего качества его толпе любопытных, которою был окружен. «Помилуй бог! славная лошадь! Я на такой никогда не ездal. Это не двужилная, а трехжилная!» Тут отец мой пригласил и провел его в приготовленную комнату, а сам занялся своим туалетом; подобно Суворову, он весь покрыт был пылью, так что нельзя было угадать черт его лица.

Все мы ожидали выхода Суворова в гостиную. Это продолжалось около часа времени. Вдруг растворились двери из комнат, отделенных столовою от гостиной, и Суворов вышел оттуда чист и опрятен, как младенец после святого крещения. Волосы у него убраны были, как представляются на его портретах. Мундир на нем был генерал-аншефский того времени, богато шитый серебром или золотом, не помню, нараспашку, с тремя звездами. По белому летнему жилету лежала лента Георгия первого класса: более орденов не было. Летнее, белое, довольно узкое нижнее исподнее платье и сапоги, доходившие до половины колена, вроде легких ботфорт. В руках ничего не было – ни шляпы, ни каски. Так я в другой раз увидел Суворова.

Отец мой вышел к нему навстречу, провел его в гостиную и представил ему мать мою и нас. Он подошел к ней, поцеловал ее в обе щеки, сказал ей несколько слов о покойном отце ее, генерал-поручике Щербинине, бывшем за несколько лет перед тем наместником Харьковской, Курской и Воронежской губерний; каждого из нас благословил снова, дал нам поцеловать свою руку и сказал: «Это мои знакомые». Потом, оборотясь ко мне, повторил: «О, этот будет военным человеком! Я не умру, а он выиграет три сражения!» Тут отец мой представил ему родную сестру мою, трехлетнего ребенка. Он спросил ее: «Что с тобою, моя голубушка? что ты так худа и бледна?..» Ему отвечали, что у нее лихорадка. «Помилуй бог, это нехорошо! Надо эту лихорадку хорошенько высечь розгами, чтоб она ушла и не возвращалась к тебе». Сестра подумала, что сечение предлагается ей, а не лихорадке, и» едва не заплакала. Тогда, оборотясь к пожилой госпоже, Суворов сказал: «А об этой и спрашивать нечего; это, верно, какая-нибудь мадамка!» Эти слова сказаны были без малейшей улыбки и весьма хладнокровно, что возбудило в нас смех, от которого едва мы воздержались; но он, не изменяя физиономии, с тем же хладнокровием подошел к столу, уставленному закусками, налил рюмку водки, выпил одним глотком и так плотно принялся завтракать, что любо.

Спустя несколько времени отец мой пригласил его за обеденный стол. Все разместились. Подали щи кипячие, как Суворов обыкновенно кушал: он часто любил

Сочинения в стихах и прозе Дениса Давыдова. В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru их хлебать из самого горшка, стоявшего на огне. Я помню, что почти до половины обеда он не занимался ничем, кроме утоления голода и жажды среди глубокого молчания, и что обе эти операции производил, можно сказать, ревностно и прилежно. Около половины обеда пришла черед и разговорам. Но более всего остались у меня в памяти частые насмешки его над пожилою госпожою, что нас, детей, чрезвычайно забавляло, да и старших едва не увлекало к смеху. В течение всего обеда Суворов, при самых интересных разговорах, не забывал ловить каждое движение ее, как скоро она обращалась в противную от него сторону, и мгновенно бросал какую-нибудь шутку на ее счет. Когда она, услышав его голос, оборачивалась на его сторону, он, подобно школьнику-повесе, потуплял глаза в тарелку, не то обращал их к бутылке или стакану, показывая, будто занимается питьем или едою, а не ею. Так, например, взглянув однажды на нее тогда, когда она всматривалась в гостей, сидевших в конце стола, он сказал вполголоса, но довольно явственно: «Какая тетеха!» И едва успела она обратиться в его сторону, как глаза его уже опущены были на рыбу, которую он кушал весьма внимательно. В другой раз, заметив, что она продолжает слушать разговоры тех же гостей, Суворов сказал: «Как вытарщила глаза!» В третий раз, увидев то же, он произнес: «Они там говорят, а она сидит да глядит!»

Тищенко сказывал мне, что из одного только уважения к моей матери Суворов ограничил подобными выходками нападки свои на пожилую госпожу, которая ему не понравилась, но что обыкновенно он, чтобы избавиться от присутствия противной ему особы, при первой встрече с нею восклицал: «Воняет! воняет! Курите! курите!» И тогда привычные к нему чиновники, зная уже, до кого речь касается, тайно подходили к той особе и просили ее выйти из комнаты. Тогда только прекращались его восклицания.

После обеда он завел речь о лошади, на которой ездил на маневрах и приехал к нам на обед: хвалил ее прыткость и силу и уверял, что никогда не ездил на подобной, кроме одного раза, в сражении под Козлуджи. «В этом сражении, – сказал он, – я был отхвачен и преследуем турками очень долго. Зная турецкий язык, я сам слышал уговор их между собою не стрелять по мне и не рубить меня, а стараться взять живого: они узнали, что это был я. С этим намерением они несколько раз настигали меня так близко, что почти руками хватались за куртку: но при каждом их наскоке лошадь моя как стрела бросалась вперед, и гнавшиеся за мною турки отставали вдруг на несколько сажен. Так и спасся!»

Пробыв у нас около часа после обеда, весьма разговорчивым, веселым и без малейших странностей, он отправился в коляске в лагерь и там отдал следующий приказ:

«Первый полк отличный; второй полк хорош; про третий ничего не скажу; четвертый никуда не годится».

В приказе полки означались собственным именем каждого; я назвал их номерами. Не могу молчать, однако, что первый номер принадлежал Полтавскому легкоконному полку.

По отдании этого приказа, Суворов немедленно сел на перекладную тележку и поскакал обратно в Херсон.

Спустя несколько месяцев после мирных маневров конницы и насмешек над пожилою госпожою на берегах Днепра, – Польское королевство стояло уже вверх дном и залитая кровью Прага курилась.

Один из друзей Давыдова и наших литераторов сделал очень остроумное и правдоподобное объяснение для оправдания пророчества Суворова насчет трех побед, которые должен был одержать Давыдов. Приведенный нами пример прозы Давыдова очень основательно может быть принят за представителя одной из блестящих побед его, напрогноченных Суворовым. Но обратимся к жизни Давыдова и поищем в ней объяснения двух последних его побед.

До тринадцатилетнего возраста Давыдов учился болтать по-французски, танцевать, рисовать и музыке и повершил свой курс образования с арапником в руках, в отъезде поле. Между порошами и брызгами, живя в Москве без дела, он познакомился с некоторыми молодыми людьми, воспитывавшимися тогда в Университетском пансионе, и, благодаря им, прочел альманах Карамзина «Аониды». Знакомые имена под некоторыми статейками зажгли его честолюбие и заставили

Сочинения в стихах и прозе Дениса Давыдова. В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru
приняться за авторство. Очень интересен его первый опыт в поэзии:

Пастушка Лиза, потеряв
Вчера свою овечку,
Грустила и эху говорила
Свою печаль, что эхо повторило:
О милая овечка! Когда я думала, что ты меня
Завсегда будешь любить,
Увы! по моему сердцу судя,
Я не думала, что другу можно изменить!
Историческая строгость требует заметить, что это стихотворение стоило Давыдову
больших трудов и большого поту.

В начале 1801 года (то есть семнадцати лет) отправили Давыдова в Петербург на службу. Малый рост препятствовал ему вступить в кавалергардский полк без затруднения; однако ж (говорит «Очерк») наконец привязали недоросля нашего к огромному палашу, опустили его в глубокие ботфорты и покрыли святилище поэтического его гения мукою и трехугольною шляпою. – Таковым чудовищем спешил он к двоюродному брату своему А. М. К-му, чтобы порадовать его своею радостью.

Но тут его ждало одно из тех благодетельных разочарований, которые, потрясая до основания даровитые и самолюбивые натуры, вызывают наружу все их силы и указывают предназначенный им путь. Кому не дано от природы, в том и самые благоприятные обстоятельства ничего не откроют; но богатая натура пробуждается к сознанию иногда от самых пустых внешних случаев. Вместо изъявления восторгов и поздравлений, родственник осыпал Дениса язвительными насмешками, указав ему на его решительное невежество. Тогда Давыдов принялся за военные книги и скоро пристрастился к их чтению. В промежутках дежурств своих, в казармах, в госпитале, на столике больного, на солдатских нарах, даже в эскадронной конюшне – беседовал он с музами и писал сатиры и эпиграммы, которыми начал свое литературное поприще.

В 1804 году Давыдов принужден был выйти в Белорусский гусарский полк, стоявший тогда в Киевской губернии.

Молодой гусарский ротмистр закрутил усы, покачул кивер на ухо, затянулся, натянулся и пустился плясать мазурки до упаду. В это бешеное время он писал стихи своей красавице, которая их не понимала, потому что была полячка, и сочинил известное приглашение на пунш Бурцову, который служил с ним в одном полку и который, получив удалое послание, не мог читать, потому что сам писал мыслете.

С 1806 по 1815 год Давыдов участвует во всех войнах и кампаниях. Во время войны с шведами он неотлучно находился при авангарде знаменитого Кульнева. При начале великой войны 1812 года Давыдов поступает в Ахтырский гусарский полк подполковником и до битвы под Бородиным командует первым батальоном этого полка. Тут он подает мысль о выгоде партизанского образа действия и с 130 гусарами и казаками отправляется в тыл неприятеля и средину его обозов, команд и резервов; действует против них десять суток и, усиленный шестьюстами новых казаков, сражается несколько раз в окрестностях и под стенами Вязьмы; разделяет под Ляховом славу с графом Орловым-Денисовым, Фигнером и Сеславиным, разбивает трехтысячное кавалерийское депо под Копысом, рассеивает неприятеля под Бельянами и продолжает веселые и залетные свои поиски до берегов Немана. Под Гродно нападает он на четырехтысячный отряд Фрейлиха, составленный из венгерцев, – Давыдов в душе гусар и любитель природного гусарского напитка: за стуком сабель застучали стаканы и – город наш!

За этим последовало кратковременное затмение счастья Давыдова; поступив под начальство генерала Винценгероде, пройдя с ним через Польшу, Силезию и вступив в Саксонию, Давыдов рванулся вперед и занял половину Дрездена, защищенного корпусом Дюрюта. За такую дерзость он лишен был команды и сослан в главную квартиру; но справедливость царя-покровителя была защитой беспокровного, – и Давыдов снова является на похищенное у него поприще. Во Франции он командует в армии Блюхера Ахтырским гусарским полком, а потом бригадою, составленною из Ахтырского и Белорусского гусарских полков, с которыми он проходит чрез Париж. За отличие в сражении под Бриеном он производится в генерал-майоры.

Вскоре после того Давыдов получает отпуск в Москву, где и предается

Сочинения в стихах и прозе Дениса Давыдова. В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru исключительно литературным занятиям. В 1819 он вступает в брак, а в начале 1823 выходит в чистую отставку.

Со вступлением на престол ныне благополучно царствующего государя императора, Давыдов принимает участие в персидской кампании и является на той единственной пограничной черте России, которая еще не звучала под копытами его коня. Вырвавшись из объятий милого ему семейства, – через десять дней Давыдов уже за Кавказом; еще несколько дней – и он за громадою Безобдала преследует с своим отрядом отступающего от него, по Бамбакской долине, неприятеля; наконец, еще одни сутки – и он у подошвы заоблачного Алагёза поражает четырехтысячный отряд известного Гассан-хана и принуждает его бежать к Эриванской крепости.

Кавказский климат не был благоприятен здоровью Давыдова и заставил его возвратиться в Россию. До 1831 года он живет в своей приволжской деревне и пользуется всеми наслаждениями мирной, уединенной и семейственной жизни.

Обстоятельства 1831 года снова вызвали Давыдова на военное поприще. Для его деятельной, кипучей натуры гром оружия был так же обаятелен, как и стук пуншевых чаш в приятельских беседах: он не мог владеть собою, слыша тот или другой. Но польская кампания, в которой Давыдов отличился не одним блестящим делом, была его последнею кампаниею: откройся теперь война, – и уж Давыдов, почуяв бой, не помчится вихрем из первых на ратное поле: но это потому только, что Давыдова уже нет в живых...

В литературной деятельности Давыдов таков же, как и в военной: и в службе муз он был только лихим наездником и действовал не массаами войск, как полководец, а летучими партизанскими отрядами, и притом быстро и неожиданно. Стихотворения Давыдова не подлежат суду философской критики: они не суть явления того искусства, которое высокие идеи воплощает в живые, вечно юные и вечно прекрасные образы; их нельзя назвать художественными, – и Давыдов, действуя в сфере самого искусства, действовал в другой и для другой сферы. Он был поэт в душе; для него жизнь была поэзию, а поэзия жизнью, – и он поэтизировал все, к чему ни прикасался: в его стихах преужасные пуншевые стаканы и чаши не оскорбляют образованного чувства, но звучат весело и отрадно; облака табачного дыма не выедают глаз, не першат в горле, но выются резвыми, кудрявыми кругами; ярко светит полоса гусарской сабли, которая служит лихому наезднику вместо зеркала и помогает ему расправлять широкий ус. Все, что у других так пошло, приторно, безвкусно, оскорбительно для чувства, словом – все эти лагерные замашки, казарменное удалство, чем потчуют нас многие поэты, особенно господа сочинители повестей и романов, в главе которых стоит, впрочем, весьма небесталантливый Марлинский, – все это у Давыдова получает значение, преисполняется жизнью, облагораживается формою. Буйный разгул превращается у него в удалую, но благородную шалость; грубость – в откровенность воина; отчаянная смелость иного выражения, которое не меньше читателя и само удивлено, увидев себя в печати, хоть иногда и скрытое под точками, – становится энергическим порывом могучего чувства, которое, сознавая свое достоинство, не заботится об условном приличии, но хлещет чопорную пошлость и ничтожество прямо по лицу и чем попало. Вся эта сторона поэзии Давыдова, которую мы здесь старались выставить на вид читателю, колко и могуче выказалась сама в его превосходной «Исповеди гусара»:

Я каюсь: я гусар, давно, всегда гусар,
И с проседью усов, все раб молодой привычки:
Люблю разгульный шум, умов, речей пожар
И громогласные шампанского оттычки,
От юности моей враг чопорных утех.
Мне душно на пирах без воли и распашки.
Давай мне хор цыган! Давай мне спор и смех,
И дым столбом от трубочной затяжки!
Бегу от сборища, где жизнь в одних ногах.
Где благосклонности передаются весом,
Где откровенность в кандалах,
Где тело и душа под прессом;
Где спесь да подлости – вельможа да холоп;
Где заслоняют нам вихрь танцев эполеты,
Где под подушками потеет столько...

Где столько пуз затянута в корсеты.

. . . . .
. . . . .

Сочинения в стихах и прозе Дениса Давыдова. В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru
Долой, долой крючки от глотки до пупа!

Где трубки? – Вейся, дым, на удалом раздолье!

Роскошествуй, веселая толпа,
В живом и братском своеволие!

Вот истинно русская душа – широкая, свежая, могучая, раскидистая: коли пошла она гулять – так держитесь вы, мнимые моралисты, бездушные китайцы, чопорные мандарины!.. Мы согласны, что эти стихи не для дам, но дамы их не станут и читать, не только не будут ими восхищаться: всякому свое, и гусарское не идет дамам, и дамское не всегда по сердцу гусарам. Вот такие стихотворения, которые пишутся для дам и которых дамы не могли бы читать за их тон, – такие стихотворения мы первые готовы осудить на всеожжение в камине и даже назвать их безнравственными. Все, в чем есть жизнь, может, а следовательно, и должно быть предметом поэзии, ибо содержание всякой поэзии есть жизнь. Жизнь одна, но формы и степеней ее проявлений разнообразны до бесконечности, – а чтобы жизнь ни в чем не ускользала от нашего взора, чтоб мы замечали ее везде, где только она есть, – мы не должны мерить ее на свой аршин, но у ней же самой должны брать этот аршин. Сущность всякого факта не в самом факте, а в его значении, – и если поэт сумел схватить значение факта и этим значением, как граненый хрусталь светом, просквозить факт: этот факт всегда будет поэтичен, хотя бы он состоял в изображении солдата, который, устав и назябнувшись в походе, весело подносит ко рту стакан с водкою. Вот почему мы сквозь пальцы и улыбаясь смотрим на разудалое стихотворение Давыдова «Герою битв, биваков, трактиров и прочего», которое в новом издании называется проще – «Храброму повесе» (стр. 24). Не станем читать его при дамах, и даже наедине или в дружеской беседе не расположены слишком восхищаться им; но иногда, под веселую минуту, не без удовольствия прочтем и его, во имя Давыдова и в живое воспоминание о нем. Что же касается до его «Решительного вечера гусара» (стр. 15), мы видим в нем столько комической достолюбезности, даже своего рода хмельной грациозности, что никогда не постыдимся прочесть его вслух и с удовольствием в самом Пекине, при собрании всех мандаринов апатического царства.

Всем известно удалое его послание к Бурцеву, в котором так много жизни и разгула, и потому мы не выписываем его; но второе его послание к Бурцеву не пользуется такою известностью, хотя, вместе с другими в этом роде стихотворениями Давыдова, и составляет как бы profession de foi [4] истинного гусара старого времени. Особенно замечательны в нем, по едкому и цепкому юмору и обыкновенной веселой размашистости музыки Давыдова, следующие стихи:

Пусть не сабельным ударом

Пресечется жизнь моя!

Пусть я буду генералом,

Каких много видел я!

Пусть среди кровавых боев

Буду бледен, боязлив,

А в собрании героев –

Остр, отважен, говорлив!

Пусть фортуна для досады,

К умножению всех бед,

Даст мне чин...

И Георгья за совет!

Пусть я буду век в заботах

Членом в мемельских расчетах

Иль... пожарный капитан!

Пусть... но полная лохань

Уж сухая остается;

Нос твой рдеет, лоб твой жметя,

Отвечать тебе невмочь...

Ну, прощай же – добра ночь!

Все эти ужасные несчастья (которые для многих кажутся самыми обольстительными счастливыми) храбрый гусар призывает на свою удалую голову в таком случае, если он поблуднеет и даст тягу перед неприятелем или даром (то есть без обмена) отдаст сердце какой-нибудь миленькой плутовке. Сухие резонеры и ложные моралисты никак не видят, где оканчивается шутка и начинается дело и где под шуткою высказывается дело, а под делом шутка: они понимают только положительно-определенное, как счет из овощной лавочки, и в поэзии требуют арифметического слога, а в ее содержании – широковежательных и многоглаголивых моральных сентенций. Равным образом они никак не могут понять, что слова без содержания ничего не значат и дешевле дел, – и потому никак не могут взять в

Сочинения в стихах и прозе Дениса Давыдова. В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru
толк, чтоб удалое разгулье, любовь к шумным пирам и веселой жизни, при шалостях и повесничестве, могли соединяться с высококистю чувств, благородством в помыслах и жизни. А, кажется, мнимым моралистам и резонерам всего бы и легче было понять эту простую истину: ведь им больше, чем кому другому, известно, как можно расплываться в моральных сентенциях, поминутно восхвалять добродетель, – и в то же время быть фарисеями, тартюфами, сребролюбцами, лихоимцами, клеветниками и пр. Что касается до нас, – мы не столько боимся всех тайных добродетелей этих господ, сколько их безжизненного резонерства; крепко затыкаем от него уши и, хоть не принадлежим к почтенному сословию гусаров и не охотники до шумных и разгульных пиров, но, с удовольствием бываем на них – в живописных стихах Давыдова, и порою с живым увлечением восклицаем за ним, к Бурцеву:

Ради бога, трубку дай,
Ставь бутылки перед нами,
Всех наездников сзывай
С закрученными усами!
Чтобы хором здесь гремел
Эскадрон гусар летучих;
Чтоб до неба возлетел
Я на их руках могучих;
Чтобы стены от ура
И тряслись и трепетали!..

Бурцев, брат, что за раздолье!
Пунш жестокий!.. хор гремит!
Бурцев! пью твое здоровье:
Будь гусар, век пьян и сыт!
Понтируй, как понтируешь,
Фланкируй, как фланкируешь.
Ставь прическу дуракам,
Пока будешь с нею сам!
В мирных днях не унывай
И в боях качай-валяй!
Жизнь летит – не осрамися:
Не проспи ее полет.
Пей, люби да веселися –
Вот мой дружеский совет!

Кому не известно прекрасное стихотворение Давыдова «Песня старого гусара» – эта песня, которую было бы прилично назвать похоронною, потому что он в ней воспеваает тех коренных гусар, которые были, но которых уже нет?..

Деды, помню вас и я,
Испивающих ковшами
И сидящих вокруг огня
С красно-сизыми носами!
На затылке кивера,
Доломаны до колена,
Сабли, шашки у бедра,
И диваном – кипа сена.
Трубки черные в зубах;
Все безмолвны – дым гуляет
На закрученных висках,
И усы перебегают...
Ни полслова... Дым столбом...
Ни полслова... Все мертвецки
Пьют и, преклонясь челом,
Засыпают молодецки.
Но едва проглянет день,
Каждый по полю порхает;
Кивер зверски набекрень,
Ментик с вихрями играет.
Конь кипит под седоком,
Сабля свищет, враг валится...
Бой умолк – и вечером
Снова ковшик шевелится.

Таковы были истые гусары старого времени, те, которые строго и набожно держались буквального смысла гусарского корана; но новые – увы, любезный читатель, как и у Давыдова, ваше сердце обольется кровью, и вам станет грустно, посмотрите, что

Сочинения в стихах и прозе Дениса Давыдова. В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru
это такое:

А теперь что вижу? – Страх!
И гусары в модном свете,
В вицмундирах, в башмаках,
Вальсируют на паркете!
Говорят умней они...

Но что слышим от любого?

«Жомини да Жомини!..»

А об водке ни полслова!..

Но не бойтесь – гусары нашего времени не осердятся на Давыдова и останутся им довольны так же, как и гусары старого времени; правда, нашелся тогда один филистер, который, не догадавшись, что в стихах Давыдова новые гусары похвалены не меньше старых, обиделся один за всех и пропел Давыдову резонерскую рацею, из которой мы помним несколько стихов:

Вот и мы, друзья молодые,
От сатиры не ушли:
Наши деды дорогие
Тьму пороков в нас нашли.
Виноваты: не умеем
Из лохани пить ковшом,
И таланта не имеем
Услаждать себя вином –
и прочая, – все такими же плохими стихами.

Муза Давыдова по превосходству военная. Нашему воину-поэту все предметы представлялись сквозь призму военного быта.

Я люблю кровавый бой!
Я рожден для службы царской!

. . . . .
За тебя на черта рад,
Наша матушка Россия! –

воскликает Давыдов, – и вся жизнь его была оправданием этих слов. Давыдову не было нужды божиться и клясться, что он патриот – ему можно было поверить и на слово. Это, повторяем, отразилось и в его поэзии: стихотворения его, несмотря на ограниченность их числа, разнообразны, но все несут на себе отпечаток взгляда на вещи с одной точки, и потому – то особенно дороги они. В Давыдове русская военная служба нашла себе достойного поэта, и он, как увидим ниже, доказал, что в ней есть жизнь и поэзия, и возвысил ее до поэтического апофеоза. Его стихотворения даже являлись и на свет по-военному: были писаны на привалах, на дневках, между двух дежурств, между двух сражений, между двух войн; «это (прибавляет «Очерк») пробные почерки пера, чинимого для писания рапортов начальникам, приказаний подкомандующим». «Некоторые стихотворения (сказано в «Очерке»), исторгнутые им из покрытых уже прахом или изорванных журналов, а другие, переходя из рук в руки писцов, более или менее грамотных, изменились до того, что и самим автором едва были узнаны. Не говорим уже о тех, которые, прославляя удалую жизнь, не могли тогда и не могут теперь показаться на инспекторский суд ценсурного комитета».

Давыдов сам отказывается от звания присяжного поэта:

Я не поэт – я партизан, казак,
Я иногда бывал на Пинде, но наскоком
И беззаботно, кое-как
Раскидывал перед Кастальским током
Мой независимый бивак.
Нет! не наезднику пристало
Петь, в креслах развальясь, лень, негу и покой...
Пусть грянет Русь военной грозой –
Я в этой песне запеваю.

Эта же мысль высказана Давыдовым и в следующем стихотворении, которое замечательно, как дополнительная черта к поэтической физиономии его творца:

На вьюке, в тороках цевницу я таскаю;
Она и под локтем, она под головой;
Меж конских ног позабываю,
В пыли, на влаге дождевой...

Сочинения в стихах и прозе Дениса Давыдова. В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru

Так мне ли ударять в разлаженные струны
И петь любовь, луну, кусты душистых роз?
Пусть загремят войны перуны –
Я в этой песне виртуоз!

Но, несмотря на то, Давыдов был истинным виртуозом и в другой песне – в песне любви; эта песня у него полна чувства и разнообразия, но она везде песня солдата.

Напрасно думаете вы,
Чтобы гусар, питомец славы,
Любил лишь только бой кровавый!
И был отступником любви.
Амур не вечно пастушком
В свирель без умолку играет:
Он часто, скучив посошком,
С гусарской саблею гуляет;
Он часто храбрости огонь
Любовным пламенем питает –
И тем милей бывает он!
Он часто с грозным барабаном
Мешает звук любовных слов.
Он так и нам под доломаном
Вселяет зверство и любовь.
В нас сердце не всегда желает
Услышать стон, увидеть бой, –
Ах, часто и гусар вздыхает,
И в кивере его весной
Голубка гнездышко свивает...

Давыдовская песня любви принимает разные тоны: то она шаловлива, как в его шутивно грациозной анакреонтической оде «Мудрость»; то солдатски откровенна и грубо насмешлива, когда мстит за отказ, как в этом стихотворении:

Неужто думаете вы,
Что я слезами обливаюсь,
Как бешеный кричу: увы!
И от измены изменяюсь?
Я тот же атеист в любви,
Как был и буду, уверяю,
И чем рвать волосы свои,
Я – ваши к вам же отсылаю.
А чтоб впоследствии не быть
Перед наследником в ответе,
Все ваши клятвы: век любить
Ему послал по эстафете.
Простите! право, виноват!
Но если б знали, как я рад
Моей отставке благодатной!
Теперь покойно ночи сплю,
Спокойно ем, спокойно пью,
И посреди собратьи ратной
Вновь славу и вино пою,
Чем чахнуть от любви унылой.
Ах! что здоровей может быть,
Как подписать отставку милой,
Или отставку получить!

Но наш храбрый гусар не всегда бывает так храбр в любви: отъезжая с товарищем в армию, он говорит ему:

...О тебе любовь горюет...
Счастливец! о тебе – я видел сам – тоской,
Заныли... влажный взор стремился за тобой;
А обо мне хотя б вздохнули,
Хотя б в окошечко взглянули,
Как я на тройке проскакал;
Когда, забыв покой и негу,
В курьерску завалясь телегу,
Гусарские усы слезами обливал.

Страсть есть преобладающее чувство в песнях любви Давыдова; но как благородна

Сочинения в стихах и прозе Дениса Давыдова. В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru
эта страсть, какой поэзии и грации исполнена она в этих гармонических стихах:

О, пощади! – зачем волшебство ласк и слов,
Зачем сей взгляд, зачем сей вздох глубокий,
Зачем скользит небрежно покров
С плеч белых и груди высокой?
О, пощади! я гибну без того:
Я замираю, я немею
При легком шорохе прихода твоего;
Я, звуку слов твоих внимая, цепенею..
Но ты вошла – и дрожь любви,
И смерть, и жизнь, и бешенство желанья
Бегут по вспыхнувшей крови,
И разрывается дыханье!
С тобой летят, летят часы,
Язык безмолвствует, одни мечты и грезы;
И мука сладкая, и восхищенья слезы –
И взор впился в твои красы,
Как жадная пчела в листок весенней розы!
Или, например, какую поэтической, какую человеческую страстью дышит это
стихотворение, столь полное тихого, трепетного блаженства любви:

В былые времена она меня любила
И тайно обо мне подругам говорила,
Смущенная и очи спустя,
Как перед матерью виновное дитя.
Ей нравился мой стих, порывистый, несвязный,
Стих безыскусственный, но жгучий и живой,
И чувств расстроенных язык разнообразный,
И упоенный взгляд любовью и тоской.
Она внимала мне, она ко мне ласкалась,
Унылая и думую полна,
Иль ободренная, как ангел, улыбалась
Надеждам и мечтам обманчивого сна.
И долго взор ее из-под ресниц стыдливых
Бежал струей любви – и мягко упал
Мне на душу – и на устах пылал
Готовый поцелуй для уст нетерпеливых...

. . . . .
. . . . .

Боже мой, какой гармонический стих, какие грациозно-пластические образы! Это
стихотворение отзывается художественною отделкою.

Другая страсть кипит и пышет в страстно-шутливом стихотворении «Поэтическая
женщина»:

что она? – Порыв, смятенье,
И холодность, и восторг,
И отпор, и увлечение,
Смех и слезы, черт и..
Пыл полуденного лета,
Урагана красота,
Исступленного поэта
Беспокойная мечта.
С нею дружба – упоенье!
Но спаси, создатель, с ней
От любовного сношенья
И таинственных вещей.
Огненна, славолюбива,
Я ручаюсь, что она
Неотвязчива, ревнива,
Как законная жена.

Есть люди, для которых дальше буквы ничего не видно, – и они никак не в
состоянии понять, что душа одного и того же человека была так широка и глубока,
что могла вмещать в себе элементы разнородные и часто, по-видимому,
противоположные друг другу. Сколько есть людей на белом свете, которые, прочитав
«Поэтическую женщину», вполне останутся убеждены, что для Давыдова не
существовало другой поэтической женщины, что чужды ему были возвышенные чувства

Сочинения в стихах и прозе Дениса Давыдова. В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru одухотворенной любви! И в самом деле, сам Давыдов с такой достолюбезною наивностью сознается в этом, – в стихотворении, означенном литерами «С. А. К-ной»:

Вы личиком пафосский бог,
Вы молоды и стройны, как Аглая:
Но я гусар... я б вас любить не мог.
Простите: для меня вы слишком неземная!
К вам светской страстью, как к другой,
Гореть грешно! – С восторженной душой
Мы вам, как божеству, несем кадил куренье,
Обеты чистые, и гимны, и моление!

Но именно это–то откровенное признание и доказывает, что для Давыдова существовало отрицаемое им в себе; что глубокая натура его понимала все, – даже и то, что не было ее преобладающею потребностью. Ограниченность состоит в неразумении, в непонимании, и некоторыми принимается заодно с моральностью; а всеобъемлемость и многосторонность почитаются заодно с безнравственностью, и потому Шекспир, Гете, Пушкин в глазах этих некоторых – безнравственные поэты, у которых только одна внешняя художественность, без любви. Хотя Давыдов и не принадлежит к всеобъемлющим поэтам, каковы Шекспир, Гете и Пушкин, но тем не менее и ему многое человеческое было доступно, а в числе этого многого – и то чувство, которым обязаны мы красоте и грации в образе женщины. Страстный по натуре, он иногда возвышался до чистейшей идеальности в своих поэтических видениях:

Я был, я видел божество;
Я пел ей песнь с восторгом новым;
И осенил венком лавровым
Ее высокое чело.
Я, как младенец, трепетал
У ног ее в уничиженьи
И омрачать богослуженье
Преступной мыслью не дерзал.
Ах! Мне ль божественной к стопам
Несть обольщения искусство?
Я весь был гимн, я весь был чувство,
Я весь был чистый фимиам!

Эти куплеты взяты нами из прекрасного стихотворения «Душенька»; но вот окончание другого, еще лучшего, стихотворения «Речка», которое подтверждает нашу мысль:

Явлюсь, весь в думу превращенный,
На берега твоих зыбей,
В обитель девы незабвенной,
И тихо, странник потаенный,
Невидимым проникну к ней.
И, неподвластный злым укорам,
Я облеку ее собой.
Упьюсь ее стыдливым взором,
И вдохновенным разговором,
И гармонической красой.
Ее – чья прелесть – увлечение,
Светла, небесна и чиста,
Как чувство ангела в моленях,
Как непорочно сновиденье,
Как юной грации мечта!

Но особенную ценность должны иметь те стихотворения Давыдова, которых предмет – любовь и в которых личность его является такую рыцарскою, а его знание воина приобретает чрез то столько благородной, возвышенной поэзии. Эти пьесы тем драгоценнее, что они единственны в нашей литературе и не имеют себе ни образцов, ни подражаний. Почти все они (впрочем, их очень немного) отличаются гармоническими стихами, между которыми иные могут назваться пластически-прекрасными; таковы, например, эти:

А я?.. мой жребий пасть в боях,
Мечом победы пораженным,
И может быть, врагом влеченный на полях
Чертить кремнистый путь челом окровавленным!
Или:

О Лиза! сколько раз на миртовых полях,
Среди грозы боев, я, презирая страх,
С воспламенной душой,
Тебя, как славу, призывал,
И в пыл сраженья мчал
Крылатые полки железною стеною..
Кто понуждал меня, скажи,
От жизни радостной на жадную смерть стремиться?
Одно, одно мечтание души,
Что славы луч моей на милой отразится;
Что, может быть, венок, приобретенный мной
В боях мечом нетерпеливым,
Покроет лавром горделивым
Чела стыдливое подружки молодой!
Эти прекрасные стихи из известной пьесы, которая так грациозно начинается:

Нет! полно пробегать, с улыбкою любви,
Перстами легкими цевницу золотую!
Пускай другой поет и радости свои,
И жизни счастливой подружку молодую –
Такова же пьеса, которая начинается стихами:
Возьмите меч – я недостойн брани!
Сорвите лавр с чела – он страстью помрачен!
О боги Пафоса! окуйте мощны длани
И робким пленником в постыдный риньте плен!
и которой окончание дышит такою роскошью чувств и поэтических красок:

Ах! пусть бог Фракии мне громом угрожает
И, потрясая лавр, манит еще к боям –
Воспитанник побед прах ног ее лобзает
И говорит «прости» торжественным венкам..
Но кто сей юноша блаженный,
Который будет пить дыханье воспаленно
На тающих устах,
Познает мленье чувств в потупленных очах
И на груди ее воздремлет утомленный?
В ныне вышедшем издании стихотворений Давыдова помещена и его большая пьеса
«Договоры», написанная им еще в 1806 или 1807 годах. Долго о ней не было
никакого слуха, как вдруг недавно была она перепечатана в одном журнале, с таким
объяснением от автора, что ее прежде не понимали, считая за сентиментальное
стихотворение, тогда как она – сатира. Мы на этот раз не согласны с автором – да
простит нам тень его! Мы думаем просто, что молодой и удалый гусар поддался на
минуту духу сентиментальности, царствовавшей тогда в русской литературе, и не
имел смелости, в зрелые лета, сознаться в этом самому себе, забыв, что быть
молодцу не укора. В этой пьесе, явно выходящей из сферы таланта Давыдова, мало
хорошего; но вот лучшее:

...Что видим мы в театрах? – Малый круг
Разумных критиков, а прочие – зеваки.
Глупцы, насмешники, невежды, забияки.
Открылся занавес. Неистовый герой
Завоев «на стихах» и, в бешенстве жеманном,
Дрожащую княжну дрожащею рукой
Ударит невпопад кинжалом деревянным;
Иль, небу и земле отмщением грозя,
Пронзает грудь и, выпуча глаза,
Весь в клюквенном соку, кобенясь, умирает..
И ужинать домой с княжною уезжает.

Мы не без особенного намерения привели здесь эти стихи: читатель увидит в них
классическую замашку и тяжелую ломоносовскую фактуру шестистопного ямбического
стиха, – и пусть он сравнит его со стихами позднейших стихотворений Давыдова:
какая бесконечная разница! Нельзя довольно надивиться, как хорош стих у
Давыдова, особенно если вспомнишь, как он писал все свои стихи. Правда, в его,
даже лучших, пьесах попадаются стихи чересчур неграциозные, жесткие и
прозаические; но когда же казаку, пишущему на привалах и бивуаках, думать о
гладкости стихов и художественной отделке стихотворений? Сверх того, число
слабых и дурных стихов очень незначительно у Давыдова, а хорошие просто приводят

Сочинения в стихах и прозе Дениса Давыдова. В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru в изумление, как, например, вот в этой пьесе, которую, по мысли и форме, мы почитаем решительно лучшим его стихотворением:

Вечер в июне

Томительный, палящий день
Сгорел. Полупрозрачна тень
Немного сумрака приосеняла дали,
Зарницы бегали за синею горой,
И, окропленные росой,
Луга и лес благоухали.
Луна во всей красе плыла на высоту,
Таинственным лучом мечтания питая,
И, прислонясь к лавровому кусту,
Дышала роза молодая.

Если бы не досадное усечение «полупрозрачна», эта пьеса могла б назваться вполне художественною, и даже в ряду антологических стихотворений Пушкина и Батюшкова не утратила бы своего высокого поэтического достоинства. Говоря об отдельных стихотворениях, нельзя не вспомнить «Бородинского поля», тем более что оно не пользуется тою известностью, которой заслуживает по своему достоинству:

Умолкшие холмы, дол, некогда кровавый!
Отдайте мне ваш день, день вековечной славы.
И шум оружия, и сечи и борьбу,
Мой меч из рук моих упал. Мою судьбу
Попрали сильные. Счастливы горделивы
Невольным пахарем влекут меня на нивы...
О, ринь меня на бой, ты, опытный в боях,
Ты, голосом своим рождающий в полках
Погибели врагов предчувственные клики,
Вождь гомерический, Багратион великий!
Простри мне длань свою, Раевский, мой герой!
Ермолов! я лечу – веди меня, я твой –
О, обреченный быть побед любимым сыном,
Покрой меня, покрой твоих перунов дымом!
Но где вы?.. Слушаю... нет отзыва! С полей
Умчался брани дым, не слышен стук мечей,
И я, питомец ваш, склоняюсь главой у плуга,
Завидую костям соратника иль друга!

Число всех стихотворений Давыдова не велико – около шестидесяти; из них, может быть, два или три слабые, но каждое более или менее примечательно или по поэтическому достоинству, или потому, что представляет собою черту для дополнения физиономии своего творца. «Полусолдат» особенно примечательно в этом отношении: отличаясь высоким поэтическим достоинством, оно в то же время и превосходная автобиография, и полный, верный портрет Давыдова, написанный им же самим, – что и заставляет нас, при заключении, выписать эту пьесу вполне:

«Нет, братцы, нет! полусолдат
Тот, у кого есть печь с лежанкой,
Жена, полдюжины ребят,
Да щи, да чарка с запеканкой!
Вы видели, я не боюсь
Ни пуль, ни дротика куртинца;
Лечу стремглав, не дую в ус,
На нож и шашку кабардинца.
Все так, – но прекратился бой,
Холмы усыпались огнями,
И хохот обуял толпой,
И клики вторятся горами.
И все кипит, и все гремит,
А я меж вами одинокой,
Немою грустию убит,
Душой и мыслию далеко.
Я не внимаю стуку чаш
И спорам вокруг солдатской каши;
Улыбки нет на хохот ваш,
Нет взгляда на проказы ваши!
Таков ли был я в век златой

Сочинения в стихах и прозе Дениса Давыдова. В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru

На буйной Висле, на Балкане,
На Эльбе, на войне родной,
На льдах Торнео, на Секване?
Бывало, слово: «Друг, явись!»
И уж Денис с коня слезает;
Лишь чашей стукнут, и Денис
Как тут, и чашу осушает!
На скачку, на борьбу – готов,
И чтимый выродком глупцами,
Он расточитель острых слов,
Он хлещет прозой и стихами.
Иль в карты бьется до утра,
Раскинувшись на горской бурке;
Или вокруг светлого костра
Танцует с девками мазурки.
Нет, братцы, нет! полусолдат
Тот, у кого есть печь с лежанкой,
Жена, полдюжины ребят,
Да щи, да чарка с запеканкой!»
Так говорил наездник наш,
Оторванный судьбы веленьем
От крова мирного, в шалаш,
На сечи, к пламенным сраженьям.
Аракс шумит, Аракс шумит,
Араксу вторит ключ нагорный,
И Алагёз, нахмураясь, спит,
И тонет в влаге дол узорный;
И веет с пурпурных садов
Зефир восточным ароматом;
И сквозь серебристых облаков
Луна плывет над Араратом.
Но воин наш не упоен
Ночною роскошью полуденного края.
С Кавказа глаз не сводит он,
Где подпирает небосклон
Казбека груды снеговая.
На нем знакомый вихрь, на нем громада льда,
И над челом его, в тумане мутном,
Как Русь святая, недоступном,
Горит родимая звезда!

Просим извинения у читателей, если им покажется, что мы слишком долго говорили о поэзии Давыдова: что делать! есть вещи, о которых, сколько ни говори, не наговоришься вдоволь. Как все истинно прекрасное, произведения Давыдова оценены и в то же время нисколько не оценены нашею публикою; оценены, но бессознательно, потому что известны всем, занимающимся чтением из удовольствия, некоторые даже заучены наизусть; и не оценены сознательно, потому что о Давыдове уже никто не говорит, удивляясь в то же время самым пустым и ничтожным литературным явлениям. Вышли в свет сочинения Давыдова, и что же? все журналы и газеты наши – кто промолчал, кто отделался общими местами, а кто посмеялся над ними [5]. Потому «Отечественные записки» особенно обрадовались встрече с старым знакомцем, любимцем русской публики, и – удивительно ли, что заговорились с ним? Перечитывая стихотворения Давыдова, мы испытывали такое же наслаждение, какое доставляет неожиданная встреча с другом, с которым давно расстались без надежды скорого свидания. Мы нашли их гораздо лучшими, нежели какими оставили их, но не потому, чтобы они изменились, а потому что мы сами сделались способнее оценивать все простое и непритязательное, при истинном достоинстве. Давыдов как поэт решительно принадлежит к самым ярким светилам второй величины на небосклоне русской поэзии и имеет гораздо больше прав на славу и удивление, нежели многие, которые больше его пользуются тем и другим у большинства читающего люда. Талант Давыдова не великий, но замечательный, самобытный и яркий, которым и не столь бедная литература, как наша, должна была бы дорожить и гордиться. Для военных людей стихотворения Давыдова должны иметь особенную цену: в этих вольных и разгульных вдохновениях они увидят поэзию своего быта, причину любить его, дорожить и гордиться им. Прозаические произведения Давыдова по своему содержанию так же важны для всякого военного человека, как и стихотворения. Одним словом, странно было бы не увидеть сочинений Давыдова у всякого истинно образованного воина, – воина не по одной службе, но и по душе...

Сочинения в стихах и прозе Дениса Давыдова. В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru
Прозаические сочинения Давыдова большею частью – журнальные статьи, вроде мемуаров. В них найдете вы живые воспоминания об участии автора в разных кампаниях, особенно в священной брани 1812–1814 годов; воспоминания о героях той великой эпохи – Каменском, Кульневе, Раевском и проч. Предоставляем военным людям судить о военном достоинстве этих статей; что же касается до литературного, с этой стороны они – перлы нашей бедной литературы: живое изложение, доступность для всех и каждого, интерес, слог быстрый, живописный, простой и благородный, прекрасный, поэтический! Как прозаик Давыдов имеет полное право стоять наряду с лучшими прозаиками русской литературы. Как ни мал взятый нами отрывок из статьи «Встреча с великим Суворовым», но и по нем читатели могут судить о справедливости нашего мнения касательно достоинства прозы Давыдова. Один из лучших наших литераторов остроумно и справедливо растолковал пророчество Суворова о Давыдове, что он выиграет три сражения, но эти три сражения – три славы Давыдова: слава воина, слава поэта и слава отличного прозаического писателя{5}.

Не знаем, все ли прозаические статьи Давыдова помещены в этом издании его сочинений, но большего и важнейшего его произведения в прозе – «Опыт теории партизанского действия» в нем нет.

Давыдов умер в 1839 году, в последних числах мая месяца, еще в поре и цвете сил своих, от которых литература наша еще многого могла ожидать себе...

Заклучим нашу статью прекрасным очерком личности Давыдова, которым оканчивается его биография, писанная генералом О. О-м, и которая, по мнению других, не чуждому и нам самим, есть не что иное, как автобиография:

Давыдов не нюхает табаку с важностию, не смыкает бровей в задумчивости, не сидит в углу в безмолвии. Голос его тонок, речь жива и огненна. Он представляется нам сочетателем противоположностей, редко сочетающихся. Принадлежит стареющему поколению, и летами и службою, он свежестию чувств, веселостию характера, подвижностию телесною и ратоборствованием в последних войнах собратствует как однолеток и текущему поколению. Его благословил великий Суворов; благословение это ринуло его в боевые случайности на полное тридцатилетие, – но, кочуя и сражаясь тридцать лет с людьми, посвятившими себя исключительно военному ремеслу, он в то же время занимает не последнее место в словесности между людей, посвятивших себя исключительно словесности, и, охваченный веком Наполеона, изрыгавшим всесокрушительными событиями, как Везувий лавою, – он пел в пылу их, как на костре тамплиер Моле, объятый пламенем. Мир и спокойствие – и о Давыдове нет слуха; его как бы нет на свете; но повеет войною – и он уже тут, – торчит среди битв, как казачья пика. Снова мир, и Давыдов опять в степях своих, опять гражданин, семьянин, пахарь, ловчий, стихотворец, поклонник красоты в ее отраслях, – в юной деве ли, в произведении художеств, в подвигах ли военном или гражданском, словесности ли – везде слуга ее, везде раб ее, поэт ее; вот Давыдов!

Сноски

1 Достойны внимания переводы и даже некоторые оригинальные произведения гг. Ротчева, Тютчева, Маркевича, Вердеревского и даже г. Раича, очень недурно переведшего «Буколики» Виргилия и написавшего несколько стихотворений, отличающихся гладкостию и бойкостию стиха.

2 Как жаль, что князь Одоевский медлит до сих пор изданием своих сочинений, рассеянных по журналам и альманахам! Только тогда можно было увидеть, какое важное значение имеют они в русской литературе.

3 Началом, или исходным пунктом, следующего за тем периода нашей литературы было начало «Библиотеки для чтения», как главного его героя и центра его деятельности. По характеру своему он может назваться книгопродавческим, промышленным или торговым, точно так же, как настоящее время нашей литературы может называться апатическим.

4 исповедание веры (франц.). – Ред.

5 За что же другое, как не за насмешку принять, например, подобный отзыв о сочинениях Давыдова: «Не многие бывают равно умны и в стихах и в прозе: для этого нужно иметь особенную сноровку, которая не всем дается, много разборчивости и еще более хладнокровия: нужно точно знать, что должно сказать

Сочинения в стихах и прозе Дениса Давыдова. В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru стихами, а что прозой. Вообще то, чего не стоит говорить, надобно говорить стихами, надобно выровнять по пиитическому ватерпасу, подкрасить эпитетами и стараться спустить с рук с рифмами: многие, для рифмы, купят и мысль, которой иначе не взяли бы и даром. Хорошие, дельные мысли, напротив, очень выгодно сбывать в натуре, то есть в прозе. Большая часть писателей, полагая, по врожденному самолюбию, что все их мысли равно чудесны, пренебрегают великим искусством сортирования идей, куют без разбору дельные мысли свои в стихи, пустые в прозу, и оттого проза и стихи их выходят плохие. Этим искусством Давыдов обладал в высокой степени: идей у него было немного, но он умел оценить каждую из них, знал, которые годятся в стихи, – этих было очень много, почти три четверти всего количества, – а которые можно с эффектом употребить в прозу, и, таким образом, сделался он равно приятным и равно примечательным писателем в стихах и в прозе»{6}.

Какова оценка таланту Давыдова? Каковы понятия о творчестве, об искусстве, об идеях?.. И это напечатано в 1840 году!.. Мы не выдумали, – право, напечатано..

Комментарии

1 «Библиотека для чтения».

2 Имеется в виду «Повесть о приключении английского милорда Георга и о бранденбургской маркграфине Фредерике-Луизе» (1782) М. Комарова.

3 Имеется в виду Булгарин – автор «Дмитрия Самозванца».

4 Здесь и далее Белинский цитирует статью Д. В. Давыдова «Встреча с великим Суворовым».

5 Н. М. Языков в стихотворении «Денису Васильевичу Давыдову».

6 См. «Библиотека для чтения», 1840, т. ХLI, отд. VI, с. 13.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://belinskiyvissarion.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/> Приятного чтения!